

Б

есценные для истории документы хранятся в школьном музее села Полтавка Богучарского района — воспоминания рядового Льва Жданова. В декабре 1942 года 19-летним мальчишкой он участвовал в операции «Малый Сатурн». В составе 38-й гвардейской стрелковой дивизии Юго-Западного фронта освобождал тогда Радченский район Воронежской области (ныне это территория Богучарщины). Ценность воспоминаний не только в подробном описании солдатского быта, но и в том огромном количестве деталей, которые не найдешь в официальных документах той поры. А самое главное то, что Лев Жданов оставил нам свои фронтовые рисунки. Не будучи профессиональным художником, он рисовал карандашом, когда удавалось найти свободное время. Лев Иванович вспоминал: «Обычно я дарил рисунки бойцам. Они с радостью позировали, потом писали домой письма и с ними отправляли портретную записку...»

Начало декабря 1942 года. Первые подразделения 38-й гвардейской дивизии начали прибывать на Дон. 115-й стрелковый полк, в котором служил Лев Жданов, занял свои позиции на левом берегу 10 декабря. Командный

пункт полка находился в селе Новый Лиман Петропавловского района. Полку предстояло с тяжелыми боями пройти путь от Дона до города Миллерово. Лев Жданов тогда этого еще не знал и вместе с другими бойцами своего 2-го взвода 5-й роты 2-го батальона «обжибал» доставшиеся им оборонительные сооружения.

«...Траншеи были очень глубокими и во многих местах перекрыты. Чтобы просматривать местность, приходилось подниматься на довольно высокую приступочку. И тогда перед нами открывалось широкое пространство долины реки, но самого Дона из траншей мы не видели. Через редкие стволы деревьев темнел дальний берег, занятый противником.

Дежурить приходилось по четыре часа. Казалось, что промерзаешь насквозь. Чтобы хоть как-то согреться, одевали подилемник — широкий шерстяной носок с отверстием для лица. Притоптывали, раскачивались, чтобы ударить плечом в стенку траншеи — от этого, казалось, ноги и тело немного согревались. Мы часто курили — скручивали крупные «козьи ножки». Они тоже как будто давали тепло.

Особенно трудно приходилось бойцам из Средней Азии, не привыкшим к

таким холодом. Они сидели, засунув руки в рукава, забивались в «норы» окопа и что-то отрешенно бормотали. Вид у всех нас далеко не уставный. Но что делать? На рисунке я показал трех бойцов моего взвода. Сидящий, съевшийся от холода боец с котелком за поясом. В руках бойца, закуривающего сигарку, кремень, «кресало» и фитиль — очень важные принадлежности солдата в полевой жизни. Третий боец наблюдает из ячйки. Вот так мы и выглядели тогда — немного неказисто. Но об этом не могу не сказать, чтобы кинематографисты, художники и писатели не надевали на нас подогнанные по росту и комплекции шинели, не затягивали их очень аккуратно кожаными поясами, да еще с латунными пряжками и со звездой, чтобы не вешали на пояс кожаные подшумки. То есть надо показать, чтобы нас вернее изображали в искусстве.

...В первые же дни я пытался сделать зарисовку нашего блиндажа с двумя отводами траншей. Для маскировки на блиндаж заброшена куча хвороста. В этой куче, в переплетении ветвей, внимательный глаз различит черную железную трубу, из которой валит сизый дымок. Около входа стоит часовой. Боец хотел, чтобы я его так нарисовал. Я сказал, что портрет на таком расстоянии не получится. Боец кивнул, но все равно, пока я рисовал, он старательно позировал — стоял, опираясь на винтовку, и не шевелился...»

Командир дивизии генерал-майор А.А. Онуфриев поставил своим полкам задачу: 110-й на правом фланге наступает на село Красногоровка, 113-й в центре — на хутор Оголев, 115-й на левом фланге — на высоту 206,3 (в нескольких километрах к северо-западу от села Абросимово). Противник — итальянская пехотная дивизия «Пасубио» — занимал оборону по высотам в 200–300 метров от берега Дона. Лев Иванович на всю жизнь запомнил события тех декабрьских дней: «...В ночь на 15 декабря нашу 5-ю роту повзводно повели по лесной тропе к берегу. В тишине слыша-

лось только стук шагов, побрякивание котелков и оружия. Было приказано: «Не курить! Не разговаривать!» Мы вышли к Дону. Слева на фоне снега виднелись фигуры каких-то командиров. И сейчас же слышится голос одного из них: «Идти по одному! Соблюдать дистанцию!»

На рисунке показан кадр — наша рота по дорожке из хвороста переходит Дон. Мы благополучно переправились и вышли на исходный рубеж. Вражеский берег был спокойным и, казалось, не подозревал о переправе и сосредоточении наших войск. Весь наш 2-й батальон, как и весь 115-й полк, вот так перешел Дон и затаился под кручей».

Читая воспоминания Льва Ивановича, я с удивлением узнал, что совершенно незаметно для противника удалось переправить на правый берег Дона целый полк. Вероятно, одной из причин явилось то, что все внимание итальянского командования занимал плацдарм на правом берегу Дона, захваченный нашими войсками еще 11 декабря 1942 года в районе хутора Оголев. Здесь бойцы 113-го гвардейского стрелкового полка несколько дней отбивали яростные атаки итальянцев. Вернуть плацдарм противнику так и не удалось.

Главный удар 38-я гвардейская стрелковая дивизия нанесла 16 декабря 1942 года в полосе наступления 115-го полка. Более неудобного места для наступления трудно представить. Почти отвесные обрывы правого берега казались противнику неприступными. Поэтому атака 115-го полка на доминирующую высоту 206,3, превращенную противником в опорный пункт обороны, была для итальянцев неожиданной. К исходу первого дня наступления подразделения 115-го полка под командованием гвардии майора Василия Дробышевского овладели первой линией обороны противника и закрепились на занятых позициях. Вот так в общих чертах развивались события 16 декабря 1942 года в полосе наступления 115-го полка.

Положение рядового пехотинца таково, что он ничего не знает об обстанов-

Богучар. Декабрь 1942 года. Рис. Л. Жданова

ке, кроме того, что видит непосредственно перед собой. Попытаемся посмотреть на события того дня глазами красноармейца Льва Жданова. Целые сутки, 15 декабря, он, как и все бойцы полка, пролежал-просидел в наспех отрытых одиночных окопчиках на берегу Дона под отвесной кручей. Бойцы выполнили приказ: «Не обнаруживать себя!»

«...Наступило 16 декабря. Потеплело. Утро было туманное, небо закрывали низкие стелющиеся тучи. Когда отгрохотала артподготовка, стрелковые роты двинулись вперед. И тут произошло то, что совсем не предусмотрели — при подъеме на кручу роты перепутались и командиры подразделений потеряли своих бойцов. Когда я выскочил на край кручи, на открытом поле нас уже встретили пулеметным огнем ожившие огневые точки. То там, то здесь взвизгивали пули в воздухе, падали и скатывались вниз те, в кого попадало... Вскоре все роты уже втянулись по полю в цепь и двинулись вперед. Я оказался среди незнакомых бойцов. Справа от меня появился энергичный боец с ручным пулеметом, дальше и впереди идет кто-то уверенным и быстрым шагом. Это бывалые войны. А вот сзади них видны темные фигу-

ры понуро и обреченно бредущих людей. Это новички, они растеряны и будто не понимают, что происходит. Вот сзади них и бежит с пистолетом в руке какой-то командир. «Чья пуля слаще?!» — говорил он в блиндаже. Помню наставления помкомвзвода: «Не отставать! Не скучиваться! Соблюдай дистанцию — чем больше, тем лучше! Иди пригнувшись, левым плечом вперед. Лопатку — за пояс, прикрывает сердце! Меняй направление! Делай перебежки! Не чешаться! Гляди в оба!»

Вдруг я увидел пулеметчиков — они за скобу станины тянут свой пулемет, в руках у них коробки с лентами. Колеса пулемета не крутятся, тормозят. Вижу с каким напряжением, с какой злостью, бормоча ругательства, двое бойцов тащат пулемет по снегу. Эх! Его бы на полозья! А перед пулеметчиками мелькнул упавший боец. Убит? Или ранен? Разглядывать нет времени. Откуда-то сзади поднимается слабое «а-а-а-а!» Это что? Сейчас бросок на траншею? Ни черта не понимаю! Не вижу впереди ничего! Но слева от меня уверенно шагавший боец взял винтовку на руки и побежал... Этим он подсказывает, что надо делать! «Ура-а-а-а! — все побежали... Кто-то падает, не встает. А-а-а-а!

Бой под Богучаром. Рис. Л. Жданова

несется уже рядом и захлестывает нас. У окопов уже все завертелось. Из земли выростали какие-то темные фигуры с поднятыми руками и большими раскрытыми ртами... Что-то ударило меня по каске, и я упал. Вскочил, падал, прыгал, снова падал, стрелял куда-то, тыркал штыком...

Вечером того дня, успокоившись, я попытался припомнить, что же происходило? Но так и не смог! Только впечатление мелькания чего-то, как в быстрой карусели. И еще осталось общее впечатление, что итальянцы не оказали нам серьезного сопротивления — они быстро, в панике бежали».

Больше чем описание Ждановым всех деталей и подробностей боя, меня поразила сцена встречи красноармейцев с раненым итальянцем на занесенном снегом подсолнечном поле:

«...В подсолнухах справа от дороги я увидел темное пятно.

— Братва! Я сейчас! — бросил я и с

винтовкой в руках кинулся в заросли. Там лежал раненый итальянец, молодой парень, мой ровесник. Он испугался, увидев меня, затыкал пальцем в грудь и бессильно забормотал: — Итальяно! Итальяно! В стороне валялась его шапка.

— Кто там? — выкрикнул броневойщик.

— Раненый!

— Шлепни!

Мне стало жалко парня, не могу же я убить просто так, уже беспомощного, раненого врага! Я поднял шапку, нахлобучил на голову раненого и сказал ему, слегка подталкивая в плечо: — Медицина! Медицина! И показал, что надо ползти к дороге. В глазах итальянца появилась теплота, будто признательность. Но он же враг! Что я должен делать? Я не убил его — пусть живет, может, подберут наши на дороге, в плену вылечат.

В глаза бросилась небольшая черная книжечка, лежавшая рядом на снегу. Забрал ее... Молитвенник итальянского солдата. Когда беру его в руки, всегда вспоминаю первый день наступления — 16 декабря 1942 года, поля подсолнечника, раненого итальянца и двух моих спутников, бойцов из 115-го полка, погибших там, у дороги.

В книге о боевом пути 38-й гвардейской стрелковой дивизии «С верой в Победу» (автор Н.В. Куприянов) сказано, что 16 декабря из-за сильного пулеметного и минометного огня противника 2-му батальону 115-го полка удалось продвинуться только на 1 километр. В течение дня бойцы отбили несколько контратак итальянцев, в отдельных местах завязывались рукопашные схватки. На поле боя горели 13 танков противника, лежало более сотни трупов вражеских солдат и офицеров. Наши потери тоже были велики.

Но война — это не только цепь героических событий. Лев Жданов описал бой, в котором сам принял участие и который, я в этом уверен, не отражен ни в одном боевом документе 38-й дивизии:

«— Смотрите, смотрите! Вот они! — я изумленно воскликнул. — Это же итальянцы! Перед нами рваной полосой торопливо двигалась колонна людей. Мы трое, поднявшись на холм, откровенно говоря, даже опешили, растерялись. Сами представляете, что значит вот так сразу встретить колону врага. Мы даже не упали, не залегли. Ясно, что это «драпают» итальянцы, что это они и бросили своего раненого. Но это уже хвост колонны. Отставшие бегут, размахивают руками, что-то кричат. Вдруг справа вынырнула автомашина, вся облепленная людьми. Отставшие пытаются прицепиться к ней. Я на рисунке показал этот момент.

— Ставь винтовки накрест! — коротко бросил бронебойщик. Раздался выстрел! Машина не остановилась, но с нее упало несколько человек. Эх! Промазал! Но тут же раздался второй выстрел, вздрогнули в руках винтовки, нас снова обдало порохом. Машина дернулась и резко остановилась, с ней посыпались фигурки людей. Не раздумывая, будто подхваченные неведомой силой, мы с криком «Ура-а! Бей!» помчались вниз по склону к дороге. На ходу стреляли в темную растрепанную массу людей, поднимающихся на склон.

Все прокрутилось очень быстро. Прошли какие-то две-три минуты, и мы оказались у брошенной машины. Я залег у колеса и сделал несколько выстрелов, думая, что меня поддержат и мои спутники. Бой есть бой! Еще рано торжествовать! Но они решили иначе — забралась в фургон и занялись разборкой трофеев. Из фургона полетели тряпки, шинели, коробки, раскрытые чемоданы. Чувствую, что сейчас вот могут ударить по машине с холма. Вездь прошьет и ребят!

— А ну, братва! Кончай барахольить! Ложись у машины! — резким тоном приказа выкрикнул я.

В окошке показался круглолицый пехотинец:

— Кто ты есть-то, а? Командер? А? Пошел к ...!

Ну что мне делать? Бойцы совсем забыли про войну! И то, чего я опасался, случилось! С вершины холма ударил пулемет, стекла со звоном и треском разлетелись вдребезги, вздрогнула обшивка фургона. Внутри вскрикнули, и все замерло. Я укрылся за задним колесом, а пулеметчик продолжает садить по фургону. Я приподнялся, опасно заглянул в раскрытые двери — вот они... Наши бронебойщик и пехотинец. Они мертвы..

Солдатский дом. Рис. Л. Жданова

Э-э-эх! Прошло ребят! Глупая смерть...

И вдруг: «тра-та-та-та...» — громко, весело с раскатистым эхом заговорил пулемет, где-то тут, рядом.

Ура-а-а! Наши подошли! В углу овражка залегли наши пулеметчики и лупят очередями из своего «Максима» по верху холма, туда, откуда бил вражеский пулемет. Молодцы! Здорово заткнули ему глотку! Но кроме двух бойцов у пулемета, больше никого нет. Наша пехота не появляется ни на холмах, ни из оврага. Как же так?

Но противник не удрал: протяжным воем очертив крутую навесную траекторию, в лощине разорвалась мина. И еще несколько мин со звонким треском грохнули возле машины. Буду лежать, не двигаться, изображу, что я мертвый. Помкомвзвода учил: «Держи уши на макушке! Тихой мины не бойся — она твоя! От нее не спрячешься! Бойся той, которая шумит, поет, она рванет рядом и накроет осколками! Рот не разевать, не чесаться!»

А наши все стреляют по холму! Надо бы им укрыться, ведь накроет! Кричу им: «Отбой! В укрытие!» Второй номер услышал меня, но лишь махнул рукой. И эти не слушаются меня... Боюсь, очень боюсь за ребят. Как их заставить? Почему они не меняют позицию?

Короткий звук, скрежеща, ввинчиваясь, вонзился у пулемета — У-о-о-х! Ужас! Я отвернул голову... Накрыло, накрыло ребят! Нельзя же так! Учили же их маневру на поле боя! Эх! Жалко ребят! Ну и я хорош! Не мог собраться, сообразить! Видел же все,

чувствовал беду, и... и не смог ничего сделать!

Тогда я не мог предотвратить их смерти. Не хочу оправдываться, но то ли малодушие сковало мой мозг, то ли голова моя слишком плохо соображала — не нашел я способа, как помочь, спасти ребят. И теперь гибель бойцов на моих глазах стала вечным укором, болью сердца и совести на всю жизнь. Наверное, и пишу эти строки, и рисую войну, рассказываю о ней, чтобы попытаться смягчить вину, хоть немного облегчить боль души.

...Наша пехота так и не подошла на этот рубеж. Быстро, ужом, прополз к краю овражка, где и просидел до темноты, просматривая лощину и холмы. Но никто не подошел: ни наши, ни противник. Пришлось идти искать своих. Нашел я пехотинцев примерно в километре сзади, в балке у блиндажей. Наши бойцы сидели у костров, поешившая в котелках ужин из трофейных продуктов.

Утром 17 декабря наступление продолжилось, но к полудню я выбыл из цепи наступающих. После лечения в Борисозлебске попал уже в другую часть и на другой участок фронта».

В 1984 году Лев Иванович Жданов передал свои рисунки и воспоминания в музей Полтавской школы, как он сам написал, для того, «чтобы, пока мы живы — последние свидетели и участники войны — чтобы подсказать, подправить, чтобы засвидетельствовать определенные факты и подробности, в чем правда, истина и что очень часто не учитывается в показе прошедшей войны».

